

21. The Mennonite School Problem in Manitoba / ed. by E. K. Francis. // Mennonite Quarterly Review. – 1953. – Jul. – Vol. XXVII. – P. 204–236.
22. The Military Service Act of Canada, 1917 // www.cefresearch.com/.../Acts/msa/htm.
23. **Unruh Abe J.** The Helpless Poles / Abe J. Unruh. – South Dakota., 1973.

Надійшла до редколегії 24.10.2009.

УДК 94(470) «1914-1918»

С. И. Бобылева, Т. Л. Петрова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

КТО ВИНОВАТ? РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И «НЕМЕЦКИЙ ВОПРОС» В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Розглянуто другу частину матеріалів морально-політичного стану різних соціальних груп Російського суспільства у переддень та у період Першої світової війни, їх ставлення до «німецького питання». Розглянуті економічні і політичні причини, які сприяли переростанню німецького питання в антинімецьку кампанію у роки війни.

Ключові слова: «німецьке питання», етнофобія, ксенофобський націоналізм, Перша світова війна, національні меншини, націоналізм, націоналісти.

Рассмотрена вторая часть материалов о морально-политическом состоянии различных социальных групп российского общества накануне и во время Первой мировой войны, их отношении к «немецкому вопросу». Рассмотрены экономические и политические причины, способствующие перерастанию немецкого вопроса в антинемецкую кампанию в годы войны.

Ключевые слова: «немецкий вопрос», этнофобия, ксенофобский национализм, Первая мировая война, национальные меньшинства, национализм, националисты.

The article is devoted to the attitude of various social groups of Russian society to the «German question» on the threshold of and during World War I. Economic and political reasons of the transformation of «German question» into anti-German campaign during war are revealed.

Key words: «German question», ethnophobia, xenophobic nationalism, World War I, national ethnic group, nationalism.

В отечественной литературе дореволюционного и послереволюционного периодов присутствовало положение о наличии у немецкого населения России факта самоизоляции. Как следствие этого отмечалось их слабое знание русского языка, политическая индифферентность. Языковая ситуация у колонистов молодого и среднего возраста (знание русского языка) существенно отличалась от пожилых колонистов – сказывались изменения в системе школьного обучения, служба в армии. На бытовом уровне колонисты прекрасно общались с русским, украинским населением.

В тоже время многочисленные факты свидетельствуют о значительной интегрированности верхних слоев российских немцев в структуры государственной власти. Даже в «святая святых» – Министерстве иностранных дел – немцы составляли 37 % служащих.

Однако такой казалась бы позитив приобрел с началом войны обратную сторону. Так, например, бывший начальник международно-правового отдела МИДа,

*Окончание. Начало см.: Вісник ДНУ «Історія та археологія», 2009.

Г. Н. Михайловский считал вопрос о германском влиянии в России «вопиющим» [14, с. 68]. С началом войны, по его мнению, из чувства национального самосохранения следовало бы осуществить «германскую чистку», начав ее сверху. Им отмечалась громадная роль немецкого фактора в высшей петербургской бюрократии, характеризовалась позиция ряда чиновников МИДа, считавших немцев «язвой русского государства». И это пишет представитель русской интеллигенции, племянник писателя-демократа Гарина!

Численность немцев в государственно-бюрократическом аппарате империи (в номенклатурной верхушке их насчитывалось 6 343 чел.) [22, с. 163], их положение, казалось бы должны были сыграть положительную роль в судьбах немецкого населения в годы войны. Однако все происходило как раз наоборот. Достаточно сослаться хотя бы на позицию Б. В. Штюрмера в вопросах ликвидационных законов, его позицию в отношении Особого Комитета по борьбе с немецким засильем [13, с. 56]. Не лучшей была и роль Н. В. Плеве, являвшегося в 1915 г. председателем Особого совещания по делам беженцев [12, с. 94], о трагических судьбах которых хорошо известно. «Отказывались хлопотать» за колонистов К. К. Пален и А. Ф. Кони [6]. Поведение последнего вообще трудно объяснить. Юрист, имевший «репутацию судьи, не идущего на компромиссы с совестью и долгом», он, как никто другой, должен был понимать всю противоправность действий российского правительства в отношении колонистов, но в данном случае поступил с совестью. Что это было? Скорее всего речь может идти лишь о психологическом состоянии как его, так и тысяч лиц, имевших немецкие фамилии, которые убоились «зоологического национализма» верхов российской администрации [13, с. 60], когда дело дошло до публикации «Новым временем» списков чиновников, сенаторов, фамилии которых не были созвучны психологической атмосфере России тех лет.

Состояние тревоги, страха не только не мобилизовала этих людей на защиту немецкого населения, а скорее всего становилось побудительным мотивом доказать свою «сверхрусскость». И они становились исполнителями или, в лучшем случае, пассивными наблюдателями творимого беззакония.

Военное ведомство. Исследователи проводят данные о количестве немцев, состоявших на русской службе в 1914 г.: каждый пятый генерал – немец, каждый четвертый из генерал-адъютантов, более 20 % – члены императорской свиты, примерно каждый четвертый – пятый – среди офицеров корпуса генерального штаба, значительное количество в имперской гвардии [15, с. 129–130]. Это происходило в стране, где немцы составляли 1,4 % всего населения. Многие из этих людей в течение нескольких поколений верой и правдой служили отечеству, защищая его. Однако военные неудачи привели военно-политическое руководство к поиску виновных и созданию образа внутреннего врага [18, с. 262]. Необоснованным подозрением были подвергнуты офицеры и генералы, носящие немецкие фамилии. Обвинения начались с «дела» командующего 1-й армии К. А. Ренненкампа. По личному распоряжению царя было произведено расследование и была доказана невиновность К. А. Ренненкампа. Однако сам факт появления этого «дела» послужил отправной точкой для многочисленных антинемецких обвинений.

Государственные, и прежде всего военные деятели той эпохи оказались под влиянием русского национализма, что позволило многим царским военачальникам решать судьбы инонационального населения одним, единственно приемлемым для них способом – депортацией немецкого населения страны из регионов его компактного проживания [2, с. 697–702; 19, с. 47]. Поскольку депортация осуществлялась с помощью военно-административных мер, то позиция и настроения по отношению к выселяемым немцам начальника штаба верховного командования Н. Н. Янушкевича, настаивавшего на депортации не только сельского, но

и городского немецкого населения, демонстрирует не только лично его патологическую германофобию, но и общее настроения в военной среде. Известно его заявление: «... лучше пусть немцы разорятся, чем будут шпионить». «Голоса» о немецком шпионаже раздавались еще до начала военных действий [20, с. 92–95]. Действительно, с начала XX века Россия стала важнейшим объектом германской разведки [9, с. 153–154]. Однако ход Первой мировой войны и отдельные успехи германской разведки объяснялись не наличием гигантской армии шпионов, о чем писала российская пресса того времени, а тщательной аналитической работой с использованием различных методов добывания информации. Что же касается российских немцев и их отношения к войне, как и отношения самого германского руководства к ним, то хорошо известны, с одной стороны, многочисленные проявления верноподданнического поведения немцев России как в начале войны, так и в ее ходе (о чем достаточно подробно писал К. Линдеман); с другой, трезвая оценка данная им еще О. Бисмарком, заявлявшим, что для «Германии они потеряны», ибо работают на повышение благосостояния России». Прошедшее время лишь укрепило многочисленные связи российских немцев с их новой родиной. И все невзгоды, связанные с проявлением негативных сторон «немецкого вопроса» не смогли поколебать их гражданских позиций. Архивные документы не подтверждают фактов участия немецкого населения России в шпионаже. Однако миф о немецком шпионаже, удачно запущенный с началом войны, оказался живуч и пережил саму войну.

В начале Первой мировой войны, огульно обвиненные в шпионаже в пользу Германии российские немцы, якобы именно с этой целью использовали ряд общественных организаций, таких как «Центральный Немецкий Союз флота за границей» и «Германский Союз национального воздушного флота». Изучение этого вопроса показано, что первый из них, созданный в 1897 г., к 1910 г. имел 151 отделение, действовавшие в основном в странах Азии. Число его членов было 962 чел. К концу первого десятилетия XX в. большинство его филиалов распалось или бездействовало. Что касается России, то наибольшим были общества в Петрограде – 22 члена, Одессе – 27, Киеве – 20, Владивостоке – 26, Москве – 15. В других городах количество не превышало 2–3 членов. В целом по России насчитывалось 151 чел. В августе 1914 г. большинство членов союза были арестованы. Однако документы свидетельствуют, что во-первых, практически все арестованные были германскими подданными. Во-вторых, в обвинении нет четких доказательств их участия в шпионской деятельности, даже в случае арестов и предания обвиняемых суду. О существовании «Германского Союза национального воздушного флота» свидетельствуют пока только документы, обнаруженные при осмотре Германского Консульства в Киеве в сентябре 1914 г. Киевской жандармерией там было обнаружено воззвание с призывом жертвовать деньги на нужды германского национального воздушного флота, к которому прилагался список жертвователей. 28 сентября 1914 г. в жандармское управление Волынской губернии было направлено предписание собрать полные сведения о лицах, значившихся в этом списке. В течении октября предписание было выполнено, сведения собраны. В докладе начальнику Волынского Жандармского управления от 25 октября 1914 г. сообщалось, что, указанные в списке 7 человек, собиравшие средства на нужды германского воздушного флота, проживали в Пулинской волости Житомирского уезда Волынской губернии. Все они являлись прусскими подданными, имели дома, содержали столярные, слесарные мастерские, занимались сельским хозяйством. За время проживания в России не участвовали в политической деятельности, однако тяготели больше к Германии, нежели к России и пожертвовали на нужды германского воздушного флота от 50 копеек до 2 рублей. В общей сумме это составило 8 рублей [32]. Обвинения же немцев, русскоподданных, в организации обществ с целью ведения шпионажа в пользу Германии так и оста-

лись бездоказательними и беспочвенными. Можно с полной ответственностью утверждать, что если бы факты шпионажа были обнаружены, то они непременно стали бы достоянием гласности. Внутриполитическая обстановка к этому располагала.

Однако сама идея возможного шпионажа порождала атмосферу всеобщей подозрительности. Так, Херсонское Губернское Жандармское Управление в апреле 1916 г. сообщало, что возникшее под влиянием газетных сообщений (подчеркнуто нами – С. Б.) среди русского городского населения озлобление против немцев, проживающих в России, выразилось в ряде поступивших в Управление анонимных заявлений, из которых было видно, что жители сами стали следить за проживающими в г. Херсоне немцами и всякому, даже не ясно и не точно высказанному ими слову, придавали характер враждебного против России действия. Расследование подобных фактов в большинстве случаев материала для обвинения не давало, а указывало на усиление озлобления против немцев» [7]. Подобная ситуация имела место и в сельской местности. В ряде случаев здесь присутствовал помимо фактора «бдительности», элемент меркантилизма и даже формы личной мести. Типичным примером является содержание рапорта Мариупольского исправника, в котором идет речь о полученной им информации от крестьянки Журавлевой о высказываниях против правительственных мер в отношении немецких колонистов, сделанных поселянином собственником Таврической губернии Мелитопольского уезда, Пришибской волости, колонии Шидлово Генрихом Иогановичем Векером. В ходе разбирательства выяснилось, что причиной доноса была ссора семей Журавлевых и Векернов из-за соломы [4].

Участие в общественно-политической жизни. Имевшейся опыт колонистского самоуправления, реализацией которого была наполнена вся первая половина XIX века, получил свое органическое продолжение в деятельности уездных и губернских органов власти, в работе Государственной Думы России [3, с. 28–42]. В тоже время обратим внимание на следующее: а) отсутствие в Думах организационной самостоятельности немецких депутатов, за исключением «немецкой группы» в партии «Союз 17 октября». С началом войны, последняя утратила эту уникальность – октябристы переходили на позиции неукоснительного выполнения «ликвидационных законов» и их ужесточения. Немцы стали покидать ряды этой партии; б) отсутствие координации действий немецких депутатов в период войны и слабое их противодействие (основной массы) противоправному законотворчеству российского государства. Настойчивость в отстаивании личного мнения, касавшегося судеб немцев России, отдельных депутатов (Г. Бергман, Д. П. Капнист, Л. Лютц, А. Ф. Мейендорф) не спасала ситуацию; в) невозможность выстроить оборону собственными силами, Союзнические отношения с рядом депутатов Думы, прошения в правительственный Сенат, в адрес императора, членов императорской семьи, помощь армии, выполнение предприятиями военных законов, личное участие в боевых действиях, обращения через Земства – все это было, но не могло переломить негативизм ситуации. Это объяснялось рядом причин, в числе которых были: региональное представительство, отсутствие этнической моногамии происхождения, несоразмерность антинемецких кампаний в различных регионах империи, различный уровень организованности, экономического благосостояния немецкого населения, конфессиональные различия, психологическая обстановка в обществе. Последнее положение косвенно подтверждается тем, что если активная позиция немецких депутатов в работе Думы, в составе «октябристов» позволили в 1910 г. и 1912 г. не допустить превращение антинемецких законопроектов в соответствующие законы, то этнонациональный психоз периода войны царивший в стране и имевший место быть в самой Думе, привел к тому, что в годы войны противостоять великорусскому шовинизму немецкие депутаты, как и немецкое население, в целом, не смогли. Хотя отдельные примеры сохранения авторитета и влияния немцев даже в те годы имеются. И речь шла не только

о их количественном присутствии, в частности, в Таврическом Губернском земстве 8 голосов из 28 гласных, но и принимаемых земством решениях – ходотайстве перед правительством об отсрочке в Таврической губернии ликвидации немецких земель [5].

Интегрированность в экономику. В экономической структуре России немцы были представлены рядом сегментов: германским капиталом [16, с. 117; 25, с. 101, 104; 30, с. 450; 10, с. 40; 1, с. 81–90], немцами, проживавшими в России в статусе иностранцев и немцами, принявшими российское подданство. Последние две из отмеченных групп были заняты в основном в промышленных и аграрных сферах деятельности. Не касаясь проблем германского капитала, обратимся к вопросам положения немецкого населения, проживавшего в России.

На территории России проживало 151 102 германских подданных. 100 тыс. из них являлись иждивенцами и лишь одна треть была занята в сфере производства, торговли и услуг [21, с. 203]. Это отнюдь не умаляет их роли в экономической жизни страны. Особенно если учесть тех из них, кто входил в «деловую элиту» России: «Хлопковых баронов» Кнопов, клана Вогау, фирм «Э. Г. Бранд и К^о» и т. д. [31, с. 10, 141]. Некоторые из представителей этих компаний с начала войны перешли в российское подданство, что не избавило их от ликвидационных мер государства. Речь, безусловно, идет лишь о категории собственников. Однако и положение служащих, рабочих с началом войны тоже было незавидным и они довольно часто подвергались политике высылки.

Рассматривая положение российскоподданных немцев периода войны, следует учитывать следующее: государство, приняв их в число своих граждан, на самом деле в определенной степени дистанцировалось по отношению к ним (1763 г. создание Канцелярии опекунов иностранных, 1800 г. – Конторы опекунов новороссийских иностранных поселенцев); проблема российских немцев и меннонитов, рассмотрение их как иных, присутствовала в России задолго до I мировой войны. Доказательством этой посылки служит следующее. В своде статистических данных об иностранной колонизации в Юго-Западном крае за 1882 г. речь идет о землевладении немцев в 3-х губерниях (Киевской, Подольской, Волынской). Интерес представляют графы, где указана численность лиц немецкого происхождения принявших и не принявших российское подданство. Существовала графа, где были включены те и другие, причисляемые к одной категории – иностранных поселенцев [8]. Российскоподданные немцы в годы войны фактически лишились права быть защищенными российским законодательством. И еще известны факты наблюдения за предприятиями, принадлежавшими лицам с немецкими фамилиями вне зависимости от их гражданства. Об этом шла речь в отчетах старших фабричных инспекторов Екатеринославской и Херсонской губерний за 1900 год [33].

Хорошо известна роль немецкого и меннонитского предпринимательства в экономической жизни России. Накануне войны, только в с/х машиностроении южных регионов империи продукция их предприятий составляла 54,1 % общероссийского производства. В свете этого не приходится говорить об отсутствии интегрированности немецкой и меннонитской промышленности в хозяйственно-экономическую жизнь страны. Однако уже сам этот факт обернулся в годы войны против немцев. Достаточно вспомнить высказывание М. Муравьева: «Нам, русским, надо не только одолеть полчища тевтонов..., но надо одолеть внутреннюю Германию, которая просочилась в нашу жизнь, которая двести лет влияла на нашу политику, на развитие нашей промышленности» [17, с. 3].

«Ликвидационное законодательство», как и «ликвидационная политика», прежде всего касалась вопросов землевладения, не обошли они стороной и вопросы промышленности. И речь шла не только о германском производстве на территории России, но и о промышленности колонистов, выходцев из Германии

и союзных с ней держав (подчеркнуто нами – С. Б.). Этим занималось как соответствующее отделение «Комиссии по борьбе с немецким засильем во всех областях русской жизни» (торгово-промышленная и банковская), так и «Особый комитет по борьбе с немецким засильем при Совете Министров».

Законы и указы относительно промышленной сферы производства анализируются госпожой И. В. Поткиной [23, с. 225–261; 24, с. 175–181]. Не касаясь анализа эффективности этих законов, обратим внимание на следующее: действия правительства в области ликвидационного законодательства как в земельном, так и в промышленном вопросах четко коррелировалось с положением дел на фронтах. В силу этого хронология принятия правительственных мер в этих областях может быть соотнесена с неудачами русской армии. Желание заручиться поддержкой крестьянства – основного источника пополнения армии – буржуазию, фактически во многом определявшей настроение российского общества, побуждало предпринимать очередные шаги в области ликвидационной политики.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на деятельность правительственных инспекторов, начало которой относится к 1914 г., когда они были направлены на предприятия, собственниками которых были подданные воюющих с Россией государств. Первоначально их функции сводились к контролю за деятельностью этих производств. Со временем права были существенно расширены и создано Особое делопроизводство по правительственному надзору за торгово-промышленными предприятиями. Изучение материалов деятельности инспекторов, вопросные листы, выдаваемые им, и задачи, поставленные ведомством, позволяют утверждать следующее: 1. Их деятельность выходила далеко за рамки Министерства торговли и промышленности, зачастую приобретая характер полицейского осведомления. Последнее должно было осуществляться скрытно – опросные листы [26] не должны были быть известны опрашиваемым рабочим и сотрудникам предприятий. 2. Промышленные инспекторы, помимо выше обозначенного, должны были готовить исчерпывающий материал о предприятии (характер, история возникновения и развития, причины успехов, особенности его организации, управления, техники производства, методы завоевания рынков сбыта продукции и приобретения сырья, источники получения кредита и наличие помощи со стороны германских банков, методы хозяйствования, присутствие или отсутствие обособленности высшего персонала от рабочих; степень самостоятельности предприятия: основное и побочное производство, торгово-комиссионная деятельность и практика борьбы с конкурентами, распространение товаров, система агентуры, рекламы, организация труда, размер годового оборота и прибыли за последние годы, стоимость недвижимого имущества предприятия и размер ее, принадлежащий владельцу, число занятых лиц на предприятии). Другими словами, речь шла фактически об объемном досье предприятия, которое возможно было бы в дальнейшем использовать будущим новым собственникам. 3. Инспекторы должны были своей деятельностью мобилизовать весь потенциал предприятия на выполнение государственных и военных заказов [27]. 4. Контролировать все вексельные операции. 5. Участвовать в ликвидации предприятий. 6. Предоставлять преимущества при покупке бывшим русским совладельцам [28]. Деятельность правительственных инспекторов не всегда была безупречной (задержки отчетности, финансовые нарушения) [28].

Созданный институт правительственных инспекторов своей важнейшей задачей имел усиление государственного присутствия в экономической сфере и последующую ликвидацию немецкого сегмента вообще.

Наличие общегосударственного законодательства не исключало региональной специфики в реализации ликвидационного законодательства. Она объяснялась рядом факторов: географическим местом расположения предприятия («пограничной полосе», имевшей выраженную тенденцию к расширению) [13, с. 56],

масштабом «немцеедства» на местах, политической и экономической ориентацией представителей местной чиновничье-бюрократической администрации, характером производства и связей владельцев, возможностью получения ими военных заказов, степенью участия в общественной жизни того или иного региона, меценатством, конфессиональной принадлежностью собственников.

В целом в политике российских властей по отношению к этническим немцам прослеживаются следующие направления:

- борьба с немецким землевладением;
- борьба с немецкой торгово-промышленной буржуазией;
- борьба с немецкой культурой.

Каждая из них, как им казалось, решала свои цели (решение аграрного вопроса, устранение конкурентов на продовольственном рынке и в промышленном производстве; уничтожение нравственно-религиозных основ немецких колонистов). Однако это была видимая сторона немецкой проблемы. Гораздо серьезнее были задачи стратегического характера: отвлечь недовольство населения страны положением на фронтах, переориентировав его на враждебные настроения и действия в отношении внутреннего немца и тем самым облегчить положение властей и военного руководства; отвести удар от царской семьи, родственные связи которой давали пищу для враждебных инсинуаций не только в низах российского общества, но были предметом сплетен даже в среде российской аристократии [14, с. 68], предоставить дополнительный стимул для мобилизационных в армию крестьян [30, с. 351], пообещав по окончании войны земли немецких колонистов и таким образом с одной стороны, оградить российских помещиков от притязаний на их землю со стороны крестьянства, с другой – отдать рынок продовольствия страны исключительно в руки помещиков; расширить сферу деятельности российской буржуазии путем вытеснения и уничтожения немецкого буржуазного сегмента; уничтожив немецкие учебные заведения всех уровней, запретив деятельность общественных организаций немецких колонистов (сиротских, судно-сберегательных, страховых, потребительских, похоронных, культурно-просветительных), ограничив сферу использования национального языкового общения, вмешавшись в дела религиозных конфессий наиболее распространенных среди немецкого населения, создать невыносимые условия для жизнедеятельности российских немцев и, по большому счету, подвинуть их на реиммиграцию. Однако эти планы и задачи в условиях российской действительности привели к совершенно иным результатам. Политически и экономически безграмотные действия официальных российских властей обрушили, подобно выпущенной Пандоре, страшные бедствия на страну, последствия которых сказывается еще и сегодня.

Первая мировая война справедливо рассматривается историками как не одномоментное явление. Она имела свои периоды, каждый из которых своеобразно сказывался на судьбах российских немцев.

Библиографические ссылки

1. **Абрамова Н. Г.** Иностранные акционерные общества в России в 1905–1914 гг. / Н. Г. Абрамова // Вестник Московского ун-та. Серия История. – 1980. – № 4. – С. 81–90.
2. **Айсфельд А.** Депортация / А. Айсфельд, В. Бруль // Энцикл. Немцы России. – Т. 1. (А–И). – М., 2000. – С. 697–702.
3. **Айсфельд А.** Немецкое население в политической и общественной жизни Российской империи в период 1905–1917 гг. / А. Айсфельд // Вопр. германской истории. – Д., 2007. – С. 28–42.
4. Государственный архив Запорожской области. – Ф. 11, д. 1319, л. 900–901об.

5. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 102, оп. 1915 г., д. 167, ч. 75, л. 13. – Далее ГАРФ.
6. ГАРФ. – Ф. 102, оп. 1915, д. 167, ч. 75, л. 15, 15 об, 16.
7. ГАРФ. – Ф. 102, оп. 1915, д. 167, ч. 89, л. 76.
8. ГАРФ. – Ф. 102, д. 2, оп. 1882, д. 244, л. 34, 34 об.
9. **Гиленсен В. М.** Германская военная разведка против России (1871–1917) / В. М. Гиленсен // Новая и новейшая история. – 1991. – № 2. – С. 153–177.
10. **Донгаров А. Г.** Иностраный капитал в России и СССР / А. Г. Донгаров. – М., 1990.
11. Екатеринославское губернское земское собрание. Очередная сессия 1915 года. Доклады управы и комиссий. Журнал собраний. – Екатеринослав, 1916. – С. 14–37.
12. **Залесский К.** Плеве Н. В. / К. Залесский // Немцы России. Энцикл. – Т.3. (П–Я). – М., 2006. – С. 94.
13. **Линдеман К.** Прекращение землевладения и землепользования поселян собственников. Указы 2 февраля и 13 декабря 1915 года и 10, 15 июля и 19 августа 1916 года и их влияние на экономическое состояние Южной России / К. Линдеман. – М., 1917.
14. **Михайловский Г. Н.** Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920 / Г. Н. Михайловский. – Кн. 1. – М., 1993.
15. **Меленберг А.** Немцы в российской армии накануне первой мировой войны / А. Меленберг // Вопр. истории. – 1998. – № 10. – С. 129–130.
16. Монополии и иностранный капитал в России. – М.; Л., 1962.
17. **Муравьев М.** Вступительное слово / М. Муравьев // Немецкое зло. – М., 1915. – С. 3–26.
18. **Нелипович С. Г.** Роль военного руководства России в «немецком вопросе» в годы Первой мировой войны (1914–1917) / С. Г. Нелипович // Российские немцы: проблемы истории, языка и современного положения. – М., 1996. – С. 262–283.
19. **Нелипович С. Г.** «Немецкую пакость уволить и без нежностей...» / С. Г. Нелипович // Военно-исторический журнал. – 1997. – С. 43–51.
19. Немецкий шпионаж в России // Родина. – 1993. – № 5/6. – С. 92–95.
21. **Плахотнюк Т. Н.** Немцы-иностранцы российского фронта: (историко-правовой аспект) / Т. Н. Плахотнюк // Российское государство. – М., 2007. – С. 200–211.
22. **Поликарпов В. С.** История нравов в России: Восток или Запад? // В. С. Поликарпов. – Ростов н/Д., 1995. – 576 с.
23. **Поткина И. В.** Чрезвычайное законодательство и немецкие фирмы в Москве / И. В. Поткина // Сб. ст. – М., 1999. – С. 225–261.
24. **Поткина И. В.** Законодательное регулирование предпринимательской деятельности иностранцев в России / И. В. Поткина // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки. – М., 1997.
25. Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. – М., 1997. – 164 с.
26. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1425, оп. 2, д. 83, л. 11, 21, 21 об. – Далее: РГИА.
27. РГИА. – Ф. 1425, оп. 2, д. 83, л. 9, 9 об.
28. РГИА. – Ф. 1425, оп. 2, д. 83, л. 79.
29. РГИА. – Ф. 1425, оп. 2, д. 83, л. 13.
30. **Сидоров А. Л.** Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917) / А. Л. Сидоров. – М., 1973.
31. **Хромов П. А.** Очерки экономики России периода монополистического капитализма / П. А. Хромов. – М., 1960.
32. Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве. – Ф. 385, оп.1, д. 63, л. 7–9; д. 2945, л. 114–116; ф. 442, оп. 639, д. 220, л. 30–51; ф. 1599, оп. 1, д. 130. – Ч. II. Лл. 202, 202 об, 203, 204, 205. – Далее : ЦГИА Украины.
33. ЦГИА Украины. – Ф. 575, оп. 1, ч. 1, д. 243, л. 2, 3, 6.

Надійшла до редколегії 11.11.2009.